

УДК 32.001

«Киев вечерний»: рассуждения об украинской политической культуре

Скиперских Александр Владимирович

Доктор политических наук, профессор,
Институт права и экономики,
398002, Российская Федерация, Липецк, ул. Гагарина, 35а;
e-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В полной мере это имеет отношение и к ситуации. В данной статье автор предпринимает попытку объяснения происходящих событий в современной Украине, учитывая специфику украинской политической культуры.

С точки зрения автора, ключевым игроком в украинской революции 2014 года стало само украинское общество. Качественное состояние гражданского общества в Украине опережает качество правящей элиты, что неизбежно провоцирует новые противостояния и конфликты.

Ключевые слова

Власть, государство, дискурс, легитимация, протест, революция, текст.

Введение

Известные конфеты «Киев вечерний» в свете происходящих событий в Украине вошли в меню сладкоежек от политики. Интернет-пользователи, наблюдавшими за судьбой Майдана, достаточно оперативно

оценили дизайнерские возможности коробки, и в пространстве Интернет появился новый дизайн конфет фабрики «Рошен» украинского олигарха П. Порошенко. Классический дизайн конфетной коробки – вечерние киевские огни – заменили лайт-версией – горящими крышками с улицы Гру-

шевского. После введения США и ЕС санкций против ряда представителей политического истеблишмента России в конце марта 2014 года, российская сторона, в свою очередь, оставила себе «сладкое» утешение, заблокировав деятельность кондитерской фабрики «Рошен» в Липецкой области.

События в Украине стали самым значительным информационным поводом в мировом медиа-пространстве конца 2013 – начала 2014 года. В одночасье данные события стали активно комментироваться в обществе. Неоднозначность понимания причин Майдана как такового породила различные взгляды на него. В том числе и в России, где события в Украине стали также возглавлять информационные топ-ленты. Безусловно, акценты российских СМИ расставлялись на фактах и готовых оценках, которые могли представлять едва ли не официальный взгляд на проблему украинской революции. Акценты расставлялись на неких образных конструкциях, которые наиболее легко запоминались аудиторией, что не могло не достигнуть необходимого легитимационного эффекта на фоне обострения российско-украинских отношений.

Именно по этой причине ВЦИОМ зафиксировал в марте 2014 года рейтинг доверия к В.Путину на от-

метке 71,6%, что стало максимальным значением за несколько последних лет. Секрет подобного доверия во многом нужно искать в контрасте ситуации в России с политическим кризисом в Украине. По результатам опроса ВЦИОМ 64% россиян считают события в Украине самыми значимыми, что во многом предопределяет «встраивание» в них ключевых российских политических акторов¹. События в Украине во многом консолидировали российское общество, которое отвлеклось от проблем, имеющих в самой России.

Задача данной статьи – разобраться в данном контрасте, и рассмотреть события в Украине и, конкретно, такое явление как Майдан в контексте специфического продукта украинской политической культуры, которая, начиная с 2000-х гг. развивалась своим путём. Это позволяло ей наполняться несколькими отличными смыслами, нежели российская политическая культура.

Особенности украинской политической культуры

Украинская политическая культура является постимперским про-

1 Рейтинг Путина – максимум за три года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114742>

дуктом и попыткой утверждения национальной идентичности в условиях постоянного давления двух центров силы – двух полюсов.

Обретение собственного лица через самостийное, независимое позиционирование – выступает своеобразным лейтмотивом украинской политической культуры. Возможно, именно поэтому, на украинских банкнотах можно увидеть образцы украинской культурной персонификации, в то время, как на российских банкнотах – некий абстрактный коллективный дух, воплощённый топографически. Украинская политическая культура как органическое явление была бы немыслима без опоры на символический и героический иконостас. В данном смысле, Украина имеет своих героев, являющихся предметом национальной гордости. Национальные символы и герои независимой Украины тотализировались в повседневной практике, что, на наш взгляд, является объективным показателем их валидности в историческом, культурном и политическом дискурсе. Национальные символы и герои – понятие не универсальное, и если определённый символический и героический набор подходит для одной нации, это вовсе не означает, что он уже будет репрезентативен для другой.

Проблема восприятия символического и героического иконостаса как некоей универсальной конструкции в полной мере актуальна и в отношениях Украины и России. Зачастую принято апеллировать к неким общим временным континуумам (период СССР), когда могла твориться их единая история. Но, вместе с тем, необходимо признать и некую периферийность Украины (особенно некоторых её западных областей) с довольно пассионарным населением. Этого оказывается достаточно для аккумуляции протестных настроений и их артикуляции на непопулярных мишенях. Этому способствует и тот факт, что «сигнал власти всегда исходит из центра и несколько ослабевает по мере достижения периферии, представляясь менее очевидным и отчётливым»².

Как отмечает бывший украинский президент Л. Кучма, у двух стран – «разные исторические судьбы, разный национальный опыт, разное самоощущение, совершенно несхожие культурно-языковые ситуации, принципиально различные отноше-

2 Скиперских А.В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк: Гравис, 2013. – С. 13.

ния с географическим и геополитическим пространством, неодинаковая ресурсная база, разный политический вес в мире, несоизмеримые возможности для взаимовлияния»³. Наблюдения Л. Кучмы подтверждаются в период украинской революции 2014 года и нарастанием конфликтности в отношениях двух стран.

Украинские события, как правило, показываются в контексте Украины как расколота страны, с Западом и Востоком, противостоящим друг другу, где Запад тяготеет к Европе, а Восток – к России. Близость Европы для Запада означает принятие некоей формулы взаимодействия власти и общества, подчёркивающей довольно низкую степень терпимости к власти. Европейский опыт показывает, что редко какая-либо политическая сила может сегодня легитимироваться в новом электоральном цикле и завладеть властью, и во многом препятствием к этому будет низкая терпимость к власти, проявляющаяся в постоянном общественном давлении на политические институты. Понимание данной формулы как объективной объяснительной схемы затрудняется по мере достижения восточных обла-

стей Украины, где в большей степени подчинительное положение общества в отношении власти во многом предопределяет призрачность перспективы сопротивления. По этому поводу однажды справедливо выскажется Т. Гарр, отмечая, что если «групповая экономическая или статусная позиция остается неизменной на протяжении поколений, как это обычно бывает в традиционных крестьянских обществах, члены их, вероятно, рассматривают свои возможности как статичные»⁴.

Протест в контексте украинской политической культуры

Необходимо отметить, что высокая степень политических экспектаций (ожиданий) при низкой терпимости значительно повышает революционность самого сознания, романтизирует его ценностное меню. Наоборот, пониженные ожидания означают высокую терпимость общества, его конформность и патерналистическую ориентацию. Всё это довольно заметно на примере современной Украины и России. Показательно, что активность

3 Кучма Л. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – С. 507.

4 Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 182.

оппозиции значительно усилилась после принятия Верховной Радой закона «Колесниченко-Царёва», усиливающих ответственность за проведение митингов и шествий. Последствия принятия этого непопулярного закона хорошо известны. Украинское общество так и не поверило в возможность жить по новым «правилам игры» в уличную политику. Показательно, что Майдан не свернулся и после победы революции и бегства В. Януковича. Требования Майдана остаются в силе и в отношении новых институтов власти, сформированных в Украине в конце февраля 2014 года. Так уж вышло, что качественное состояние гражданского общества в современной Украине в каком-то смысле опережает качественное состояние правящей элиты Украины, что неизбежно провоцирует противостояния и конфликты. Гражданское общество становится готовым постоянно «спрашивать» с власти, требуя подотчётности себе, что постепенно впускает Украину в европейский политический мир.

Специфичность украинской политической культуры, проявляющаяся в двойственности политического сознания, на наш взгляд, довольно показательно перепроверяется в противопоставлении политического участия

«снизу» («автомайданы», добирающиеся автостопом в Киев сторонники Майдана, волонёрская работа и т.д.) в событиях украинской революции и политического участия «сверху» (организация «антимайданов», бригад «титушек», митингов в поддержку «Партии Регионов», в поддержку власти в ряде городов Восточной Украины и русскоязычного населения). Электрический, жалящий протест самоорганизации несогласных «снизу» – противопоставляется громоздкой и неповоротливой административной машине, диктующей «сверху». Более адаптированное к постиндустриальной реальности общество будет изначально в большей степени тяготеть к свободомыслию, что «на выходе» обязательно скажется на качестве избираемой власти. Наоборот, другая часть украинского общества, длительное время формировавшегося в условиях тяжёлой индустрии, в условиях высокой концентрации трудовых масс и капитала в отдельно взятых регионах, будет менее способным к политическому участию, и запросто делегирует (по умолчанию) своё конституционное право каким-нибудь «красным» директорам. На примере украинских событий хорошо видно, как экономическая география определяет пассивно-

нарность общества, его партиципаторные возможности.

Кстати, любопытным отличием украинских событий 2004 и 2014 года может стать такой факт, что если «оранжевая» революция позиционировалась как городское движение, то социальная база революции 2014 года включала в себя и село. Хроника украинских событий 2014 года включает в себя кадры захваченных администраций в районных центрах, блок-постов на дорогах, появление отрядов самообороны. Безусловно, при этом, нами не ставится под сомнение мысль о том, что эффективность политической делегитимации власти «достигается посредством городской социальной базы»⁵.

Украинская политическая культура и интеллектуалы

Носителей украинской политической культуры характеризует ранняя политическая социализация и включение в политические процессы. Украинская политическая культура по своей сути антиавторитарна. Героический путь национальных героев Украины был связан с сопротивлением

5 Скиперских А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 62.

диктатурам. Неслучайно, что в условиях постсоветской трансформации в идеологическую основу новой государственности составили знаменитые украинцы, создававшие героический текст украинского сопротивления – от Т. Шевченко и И. Франко – до М. Грушевского и С. Бандеры. Необходимо отметить, что по поводу их восприятия в украинском обществе до сих пор не установлен консенсус.

Одним из этапов формирования украинской политической культуры, объективации которой придали ей мировую известность в период революции 2014 года, было и мощное движение «шестидесятников». Интеллектуалы изначально явились катализаторами украинского культурного ренессанса. С помощью интеллектуалов происходит осуществление функции «аккумуляции и трансляции знания, заметно редуцирующей в периоды политических трансформаций»⁶. В Украине происходила рецепция этнокультурного текста, занимавшего в период СССР подчинённое положение к советскому тексту, в современную политическую практику. Во многом это удалось осуществить по

6 Скиперских А.В. Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 51.

той причине, что в Украине «нет такой пропасти между интеллигенцией и народом, как у русских; украинские патриоты – интеллигенты ощущают себя органичной его частью»⁷.

Говоря об украинской политической культуре нельзя не отметить её мозаичность, обусловленную сосуществованием внутри украинской нации нескольких региональных и этнических идентичностей, среди которых наиболее активную позицию стал занимать галицийский регионализм, базирующийся на «выразительной конфессиональной отдельности галичан, не до конца сnivelированными в советское время языковыми особенностями, ориентацией на европейские ценности»⁸. В данном смысле нельзя не учитывать и тот факт, что в условиях современной Украины может быть достаточно велика конкуренция между региональными элитами, несколько приостановленная в период правления В. Януковича и гегемонии «донецких».

Демонстрация своего этнического кода становится частью позиционирования политического лидера,

7 Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. – Вильнюс-Москва: Весть, 1992. – С. 15.

8 Мальгин А. Украина: соборность и регионализм. – Симферополь: Сонат, 2005. – С. 208.

неотъемлемым элементом его политической легитимации. Сам факт того, что некоторые украинские политики носят вышиванки не может рассматриваться исключительно как популистическая мера. Возможно, именно в этом и демонстрируется своя национальная уникальность – своеобразный патриотический дресс-код. Именно поэтому, возможно, В. Ющенко с удовольствием демонстрирует корреспондентам экспонаты своего музея украинской истории – иконы, рушники, фрагменты деревянных конструкций батуринской цитадели и пули, найденные на месте Полтавской битвы⁹. В этом смысле может быть показательным контраст между декором дачи В. Ющенко, резиденции В. Януковича и дома В. Пшонки – бывшего Генерального прокурора Украины, которые были «проинспектированы» движением «Автомайдан» после событий февраля 2014 года.

Украинская протестная культура и молодёжь

Политическое участие может осуществляться одним и тем же индивидом в самых различных формах, что

9 Карпенко К. Где-то шёпотом, а где-то во весь голос говорю: я прав // Вести. Репортёр. – 2013. – № 10. – С. 34.

подтверждает сильную вовлечённость в политический дискурс современной Украины. Многие украинские школьники, наблюдавшие за «оранжевой» революцией 2004 года превратились в студентов, поддержавших курс Украины на евроинтеграцию в 2013 году, и уже позже растворились в революционной толпе Майдана. А бывшие студенты, принимавшие участие в «оранжевых» событиях 2004 года, наверняка, могли оказаться теми самыми защитниками Майдана, у которых не существовало дефицита свободного времени и ответственности перед своим работодателем.

Интересная особенность украинского протеста и в том, что он уже представлен на уровне поколений, несмотря на относительно молодой возраст украинской государственности. Один из украинских новостных порталов с горькой иронией отмечает, что «больницы забиты 18-летними «террористами» и «экстремистами» – студентами киевских вузов, которых били и калечили гопники под прикрытием «Беркута». В палатах возле детей сидят их молодые мамы и папы. «Экстремисты» и «террористы» распознаются сразу по интеллигентному виду»¹⁰.

10 Лікарні зараз забиті 18-ти річними «терористами» і «екстремістами» – студен-

«Экстремисты», «националисты» и «фашисты» оказываются удивительно эрудированными и космополитическими людьми и дают интервью на разных языках многочисленным журналистам, а от их одежды исходит запах свободы – запах горелой резины.

Таким образом, на примере украинской политической культуры мы видим какую-то особенную страсть к свободолобию, к преодолению репрессии в каких-либо формах. В этом, кстати, как отмечал М.Фуко и проявляется постоянство сопротивления: «в любой Варшаве всегда будет восставшее гетто и мятежники проберутся в него даже по городской канализации»¹¹.

В этом смысле, пример Майдана, стоявшего почти 3 месяца, кажется каким-то совершенно удивительным, даже невообразимым. Необходимо отметить и особенную педагогическую функцию Майдана как некоей свободной общности и параллельной структуры, учитывая его очевидное влияние на украинскую молодёжь. Впол-

тами кїївських ВУЗів. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uainfo.org/yandex/279071-lkarn-zaraz-zabit-18-ti-rchnimi-teroristami-ekstremstami-studentami-kiyivskih-vuzv.html>

11 Фуко М. Восстать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5. – С. 16.

не может быть, что именно благодаря таким примерам, начиная прямо со школы, многие украинцы начинают включаться в политический процесс, пытаясь удовлетворить в нём свои романтизированные ожидания. И если кто-то не мог оказать физическую помощь Майдану, то сопричастность победе революции могла осуществляться как с помощью поддержания протестного контента на своих страничках в социальных сетях, так и с помощью использования новых креативных протестных поверхностей.

И если на предыдущих примерах показано, как происходит включение в политический процесс «снизу», то существует и множество примеров, демонстрирующих, как активность молодёжи может управляться «сверху». Данное различие принято объяснять исключительными особенностями Западной и Восточной Украины, хотя, на наш взгляд, решающее значение, здесь, могут иметь экономические стимулы, сильно мотивирующие сторонников «антимайданов». Данное различие снова будет восходить к большим объёмам свободного времени, которым располагает индивид в условиях постиндустриального времени, к трудовой деградации, а также издержкам электронной культуры.

Заключение

Масштабы политического кризиса в Украине настолько велики, что его последствия чувствуются вплоть до настоящего времени и мало кто готов прогнозировать, как будут разворачиваться события в дальнейшем. В любом случае, украинские события представляют наглядный урок всем постсоветским государствам, в которых после 1991 года демократическая трансформация не привела к реальной и систематической циркуляции элит в период электоральных циклов, а наоборот, стала дефектной, приведя к авторитарным издержкам, когда власть закуклилась, и образовалась огромная разница в доходах между правящей элитой и массами.

Исследование политического кризиса в Украине вряд ли возможно без внимательных исследований самого общества, в кризисные моменты новейшей истории Украины выступавшего ключевым политическим актором.

Политический кризис в Украине при всех его негативных последствиях для самой политической системы, тем не менее, имеет и позитивную сторону, способствуя консолидации нации. Это – объективная реальность, кото-

рую необходимо признавать, когда в общественное сознание некоторые политические силы, как в Украине, так и в России пытаются внедрить сепаратистские установки. С другой стороны, политическая власть как в Украине, так

и в России получает дополнительные стимулы для политической легитимации, потому как существующий конфликт между государствами не может не рассматриваться в контексте поиска национальной идеи.

Библиография

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. – Вильнюс-Москва: Весть, 1992. – 352 с.
2. Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
3. Карпенко К. Где-то шёпотом, а где-то во весь голос говорю: я прав // Вести. Репортёр. – 2013. – № 10. – С. 34-41.
4. Кучма Л. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – 560 с.
5. Мальгин А. Украина: соборность и регионализм. – Симферополь: Сонат, 2005. – 280 с.
6. Рейтинг Путина – максимум за три года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114742>
7. Скиперских А.В. Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 51-56.
8. Скиперских А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 142 с.
9. Скиперских А.В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк: Гравис, 2013. – 204 с.
10. Фуко М. Восставить бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5. – С. 16-20.
11. Лікарні зараз забиті 18-ти річними «терористами» і «екстремістами» – студентами київських ВУЗів. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uainfo.org/yandex/279071-lkarn-zaraz-zabit-18-ti-rchnimi-terroristami-ekstremstami-studentami-kiyivskih-vuzv.html>

"Kiev evening": arguments on the Ukrainian political culture

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich

Full Doctor of Political Sciences, professor,
Lipetsk Institute of Law and Economic,
398002, Gagarina str., No. 35a, Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

Taking place in the political system processes like the interaction of political actors about the attitude to power fully shaped by the type of political culture. The current state of political discourse, as well as its future exactly depends on what type of political culture dominates in the system.

This fully refers to the situation in modern Ukraine. In this article the author attempts to explain the events occurring in the country taking into account the specificity of the Ukrainian political culture.

From the point of view of the author, a key player in the Ukrainian revolution in 2014 was the Ukrainian society itself, and any attempt to comment the situation of modern Ukraine, first of all, should take into account civil conditions of the society itself. Qualitative state of civil society in Ukraine outrun the quality of the ruling elite, which inevitably provokes new confrontations and conflicts.

Despite the obvious costs, the ruling elites can benefit from the consolidation of society and increase their chances of political legitimacy as a result of political conflict between Ukraine and Russia.

Keywords

Power, state, discourse, legitimation, protest, revolution, text.

References

1. Alekseeva, L. (1992), *History of Dissent in the USSR [Istoriya inakomyслиya v SSSR]*, Vest', Vilnius, Moscow, 352 p.

2. Foucault, M. (2011), "Useless to Revolt?" ["Vosstavat' bespolezno?"], *Neprikosnovennyi zapas*, No. 5, pp. 16-20.
3. Gurr, T. (2005), *Why Men Rebel* [*Pochemu lyudi buntuyut*], Piter, St. Petersburg, 461 p.
4. "Hospitals now crammed with 18-year-old "terrorists" and "extremists" – students of Kyiv institutions" ["Likarni zaraz zabiti 18-ti richnimi "teroristami" i "ekstremistami" – studentami kiïvs'kikh VUZiv"], available at: <http://uainfo.org/yandex/279071-lkarn-zaraz-zabit-18-ti-rchnimi-terroristami-ekstremstami-studentami-kiyivskih-vuzv.html>
5. Karpenko, K. (2013), "Somewhere whispering, but somewhere in a loud voice I say: I'm right" ["Gde-to shepotom, a gde-to vo ves' golos govoryu: ya prav"], *Vesti. Reporter*, No. 10, pp. 34-41.
6. Kuchma, L. (2003), *Ukraine – is not Russia* [*Ukraina – ne Rossiya*], Vremya, Moscow, 560 p.
7. Mal'gin, A. (2005), *Ukraine: collegiality and regionalism* [*Ukraina: sobornost' i regionalism*], Sonat, Simferopol, 280 p.
8. "Putin's rating – maximum three years" ["Reiting Putina – maksimum za tri goda"], available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114742>
9. Skiperskikh, A.V. (2006), *Legitimation and delegitimation of the post-Soviet political regimes* [*Legitimatsiya i delegitimatsiya postsovetskikh politicheskikh rezhimov*], EGU im. I.A. Bunina, Yelets, 142 p.
10. Skiperskikh, A.V. (2011), "Intellectuals and the establishment of democratic institutions in post-Soviet Uzbekistan" ["Intellektualy i stanovlenie demokraticeskikh institutov v postsovetskom Uzbekistane"], *Sotsium i vlast'*, No. 1, pp. 51-56.
11. Skiperskikh, A.V. (2013), *Political protest in the Russian province: structure, dynamics, performances (evidenced from the Lipetsk region)* [*Politicheskii protest v rossiiskoi provintsii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipetskoi oblasti)*], Gravis, Lipetsk, 204 p.